

Граф Рошешуар

От редакции. В этом году издательство "Optimum" предполагает выпустить новую книгу Александра Третьяка "Юная Одесса и Северное Причерноморье в воспоминаниях графа Рошешуара". С любезного разрешения автора и издательства мы публикуем одну из частей этой работы, посвященной Одессе.

Есть много красивых и привлекательных европейских городов, и Рошешуару удалось увидеть немало из них. Но Одесса навсегда осталась для него, и далеко не только для него, самым лучшим и прекрасным. В чем состояла эта феноменальная привлекательность Одессы XIX века, объяснить практически невозможно. Но факт остается фактом. Для огромного количества русских, украинцев, французов, поляков, итальянцев, испанцев, немцев, греков, евреев, болгар и еще представителей десятков других национальностей, которым пришлось прожить хотя бы несколько лет в городе, Одесса становилась родной и любимой навсегда. Это поразительное пристрастие к юному городу на берегу Черного моря вряд ли поддается какому-то логическому объяснению. Вероятно, что именно дух созидательности, возможность увидеть собственными глазами, как в считанные годы в малозаселенной степи возникает первоклассный европейский город, и создавало это неповторимое очарование Одессы, где кипела подлинная жизнь, не признававшая лжи экономических и социальных условий.

В разных местах своих мемуаров и писем Рошешуар оставил крайне любопытные зарисовки быта первого поколения одесситов, к которому, разумеется, относился и он сам. Эти заметки тем более занимательны, что описывают именно то время, когда и создавался фундамент неповторимого уклада жизни Одессы. Естественно, что в центре всех реалий культурной и хозяйственной жизни города находились люди, масштаб которых

Граф Рошешуар

и определял уровень умственного и экономического бытия. А в данном отношении можно смело утверждать: Одессе повезло необыкновенно.

Великая революция во Франции, опустошившая все внутренние ресурсы страны, перебросила свой всепожирающий огонь на соседние регионы. Ни в одном уголке Западной и Центральной Европы люди, даже весьма далекие от политики и войны, не могли чувствовать себя в безопасности. Отсутствие стабильности в настоящем и уверенности в будущем в конечном итоге приводило их к мысли о поиске более устойчивого положения в других местах. Северное Причерноморье в этом отношении представлялось многим едва ли не раем земным. И дело вовсе не в том, что здесь было легче жить и надо было меньше трудиться для этого. Напротив. Чтобы поднимать целинные земли и заводить практически с нуля новые предприятия, требовались колоссальные усилия. Но сколь много значит для нормального человеческого уклада уверенность в том, что завтра в твою деревню или город не войдет кучка солдат и не ограбит твой дом!

Невзирая на молодость, Рошешуар, за плечами которого уже был значительный жизненный опыт, мог со всей полнотой осознавать как преимущества, так и очарование жизни в Одессе. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Одесса являла собой не только наиболее динамично развивавшийся город Европы, но она стала и одним из самых дешевых в чисто бытовом смысле. Кстати, таковым она оставалась на протяжении всего XIX века. Так, Леон Рошешуар беспристрастно зафиксировал в своих мемуарах: "Жизнь в Одессе была очень дешева: в мясной лавке мясо, отменного качества, стоило три су за фунт (парижский фунт — 489,5 г. — А. Т.); Черное море предоставляло рыбу в изобилии; степи в избытке давали дичь, овощи и фрукты привозились из Крыма, края, который имел в этом отношении очень высокую и заслуженную репутацию; позднее сад, созданный в Одессе под моим наблюдением, стал обильно приносить продукты для нашего потребления; вина Франции и Испании приходили без какой-либо оплаты таможенной пошлины".

Касаясь бытовых вопросов, заметим, что сам Ришелье был весьма непритязательным человеком. Учитывая его высокое положение, когда от его воли зависели судьбы тысяч людей на огромном пространстве Новороссийского края от Кавказских гор до причерноморских степей, он всегда оставался скромным, но исполненным истинного благородства правителем. Для герцога не существовали сословные препоны. Нужды простых горожан, купцов, ремесленников, крестьян, матросов и т. д. были для него

так же важны, как и выполнение задач высшей государственной важности. Любой житель города мог запросто вступить с ним в беседу по волнующему его вопросу и получить дельный совет или помощь. По поводу какого-то мздоимства либо злоупотребления властью даже тени подозрения не могло быть. И хотелось им этого или нет, но все чиновники, находившиеся в его подчинении, должны были следовать этим правилам поведения. Рошешуар достаточно точно отметил эту формулу в своих записках:

"Я был очень молод, окруженный людьми, буквально обхаживающими меня в качестве племянника генерал-губернатора, ищущими мою протекцию, и пытаюсь приобрести ее, делавшими мне предложения по оказанию любых услуг. Какое искушение этим воспользоваться, и даже злоупотребить! Если бы перед моими глазами постоянно не было образа самой строгой порядочности, соединенной с истинным бескорытием!"

В качестве второго адъютанта Ришелье Леон занимался хозяйственными вопросами. Но помимо забот по дому и загородному саду, известному ныне как Дюковский парк, герцог возложил на него целый ряд других обязанностей: контроль над строительством тротуаров, работы по благоустройству города, посадка зеленых насаждений, организация морских купален, которые стали привлекать значительное количество иностранцев, администрирование казино и т. п. Однако самым приятным заданием для молодого человека стала организация театра и салона для балльных танцев.

Меркантилист по экономическим воззрениям, герцог Ришелье был убежден, что Одесса должна быть обустроена по образцам лучших европейских городов, дабы привлекать сюда и иностранных купцов, и помещиков близлежащих и удаленных губерний. Превратив свой товар в деньги, купец или помещик должен был получить возможность приобрести в городе то, что у себя дома он снискать никак не мог. Касалось ли это предметов роскоши, элегантных модных платьев и шляпок, выписанных из лучших европейских салонов, возможности увидеть театральное действо, доступное до этого разве что узкому кругу в обеих столицах, испробовать вкусную заморскую еду в ресторациях — неважно. Главное, что деньги возвращались косвенным путем все в ту же городскую инфраструктуру, давая новый виток для ее развития. Жить в таком городе было и приятно, и удобно.

Деловая жизнь города буквально кипела. И все же рискуем утверждать — не она определила своеобразие Одессы, вернее, не только она. Когда в середине XIX века приезжавшие в город наблюдатели не без удивления для себя отмечали, что здесь даже извозчики насвистывают арии из модных итальянских опер, то это было сущей правдой. Ибо еще тогда, когда городу

едва исполнилось десять лет от рождения, а количество его жителей не превышало восьми тысяч, Ришелье принял решение о строительстве городского театра, который мог бы вмещать более тысячи зрителей. И это не было гигантоманией, но здравым расчетом одесского градоначальника.

Музыкальность подлинной Одессы, ее органичное восприятие изящных искусств, включая архитектуру и беллетристику, все начиналось именно тогда, в начале позапрошлого века. И в этом отношении свидетельства Рошешуара, стоявшего у истоков этого неповторимого явления в мировой культуре, приобретают особый интерес. Приведем некоторые из них:

"Зал театра, большого здания с элегантной архитектурой, имел три ряда лож, амфитеатр, как в Парижской опере, и партер. Первые представления были даны польскими актерами; вскоре прибыли итальянские и, наконец, балетная труппа. Главный распорядитель императорского двора, обновляя гардероб Большого театра в Петербурге, послал нам комплект костюмов, бывших в употреблении, но еще весьма презентабельных. Для того чтобы использовать их, были составлены две любительские труппы — одна французская, а другая итальянская; я принимал участие в обеих, и не без успеха. Я пел и играл на итальянском языке так, что никто не мог заподозрить во мне иностранное происхождение. Наша моло-

Вид на театральную сцену Одессы

дая французская прима была дочерью Леонарда, знаменитого куафера королевы Марии-Антуанетты; она управляла в Одессе модным магазином, в чем ей помогали две французские девушки; все три весьма выгодно вышли замуж благодаря своему отменному поведению".

Не менее занимательными были для Леона балы и маскарады. Вообще, в ранней истории Одессы итальянское влияние было, пожалуй, наиболее существенным, особенно в увеселениях и развлечениях. Так, к примеру, Рошешуар описывает одно из карнавалых празднеств в Одессе:

"Вслед за клубом офицеров, гражданских служащих, или консульского корпуса, было построено танцевальное помещение, называемое бальным залом. Французский купец г-н Сикар был президентом этого клуба, а меня сделали распорядителем бального зала. Очень красивые маскарады были организованы при содействии нескольких итальянцев, людьми весьма сведущими в вопросах развлечений и празднеств. По случаю "жирного воскресенья" они представили весьма оригинальное представление: по условленному сигналу с двух противоположных дверей в бальный зал вошли два волшебника, взгромоздившиеся на ходули; шесть одетых в белое пажей и шесть облаченных в черное развернули огромный ковер, представляющий собой гигантскую шахматную доску. Под звуки фанфар двери распахнулись, и в одной из них показался черный король, державший под руку королеву того же цвета. За ними следовали два офицера, два кавалериста, две туры и восемь пешек, или солдат, также в черном, занявшие соответственное место на шахматной доске, тогда как параллельная армия, но одетая в белое, вошла с противоположной двери и расположилась лицом против первого войска. Два волшебника вживую разыграли шахматную партию. Своими волшебными палочками они дотрагивались до фигур своего цвета, которые маневрировали согласно правилам. После развития, атак, защит и захватов одному из королей был объявлен шах и мат. Это представление имело очень большой успех, который оно заслуживало и за свою оригинальность, и за безупречное исполнение. Русские, как и все восточные люди, большие любители шахмат, были восхищены. Вечер закончился прелестным балом".

Для молодого француза жизнь в Одессе была воплощением мечты. И единственное, о чем он сожалел на склоне своих лет, было то, что это прекрасное время не могло продлиться навсегда. Здесь он чувствовал себя как рыба в воде — общество очаровательных дам, значительный круг умных и тонко чувствующих знакомых, за плечами которых был огромный жизненный опыт, приобретенный во всех уголках земли, постоянное

ощущение новизны, поразительная деловая активность, не заслонявшая, однако, вкус к чувственному и изящному. Это ли не предел желаний для любого нормального человека, чьи первоначальные годы прошли в атмосфере перманентных интриг, грязи, предательств и ненависти. И Леон в полной мере мог по достоинству оценить и прочувствовать это новое для себя состояние.

Порой ему приходилось пускаться на маленькие хитрости, чтобы совместить непосредственные служебные обязанности с безудержным желанием быть в центре общественных развлечений. Так однажды в Одессу прибыл младший брат лорда Атчинсона, того самого,

который командовал английской армией еще в период египетского похода 1798-1799 гг. Направляясь из Константинополя сухопутным путем, английский джентльмен испросил в Бухаресте у командующего русской армии графа Ланжерона паспорт и рекомендательное письмо к герцогу Ришелье, дабы самолично осмотреть вновь рожденный город, с тем чтобы — не без сарказма добавляет Рошешуар — "установить торговые отношения, цель всех англичан". Как и всех гостей, Ришелье принял англичанина радушно, приглашая ежедневно за свой стол. Однажды за обедом речь зашла о штурме Очакова в 1788 г., и англичанин выразил желание увидеть те достопамятные места сражения, в котором его старший брат принимал участие в качестве волонтера русской армии, а потому очень часто рассказывал ему об этих событиях. "Нет ничего проще, — воскликнул Ришелье, мой племянник завтра же отвезет вас туда". Это простое, и при любых других обстоятельствах даже приятное задание, едва не стало причиной душевной травмы для Рошешуара. Дело в том, что на вечер следующего дня был запланирован костюмированный бал, и открывать его должен был именно Леон полонезом в паре с очаровательной Аникой Филипеско.

Выехав рано утром в Очаков в открытой коляске, чтобы таким образом иметь возможность лицезреть местный ландшафт, Рошешуар со

Герцог Ришелье

своим спутником двигались по дороге вдоль побережья. У Леона крутилась в голове только одна мысль — каким образом ускорить эту ненавистную ему поездку, но, естественно, не обидеть при этом английского джентльмена. И вдруг его осенило. Дело было в середине декабря, и проезжая мимо красивой лагуны, он нарочито вздохнул, сожалея о конце купального сезона, добавив, что готов спорить на десять гиней, что никто не рискнул бы искупаться в море в такой дикий холод. Англичанин попался на удочку и тут же заключил пари. Пока попутчик Рошешуара купался, их кучер беспрестанно крестился, приговаривая по-русски: "Это, конечно, именно окаянный пытается гасить огонь ада, который его растрчивает".

Через полчаса спутники были уже в Очакове. Продрогший после морской ванны до костей англичанин несколько отошел, откушав горячего чая с ромом, но интерес к обозрению местности у него явно понизился. Ограничившись ускоренным осмотром развалин бывшей Очаковской крепости, где, по сути, ничего уже почти и не осталось, они вернулись в Одессу. Вечером, как и планировалось, Леон вместе с прелестной Аникой Филипеско открыли бал. Он потерял десять гиней, но что стоит золото для юноши по сравнению с полученными им минутами упоительного наслаждения от роскошного танцевального вечера!

Одесса, как, впрочем, и весь Новороссийский край, аккумулировала в себе десятки национальных культур, каждая из которых, в свою очередь, в той или иной степени обогащала ее самобытность новой гранью сформировавшегося жизненного уклада. В городе царила атмосфера дружелюбия, без тени намека на ксенофобию или сословную неприязнь. Здесь людей оценивали по их деловым и личным качествам, а не по праву и месту рождения. Более того, и это можно утверждать смело, для первой половины XIX столетия Одесса была наименее криминогенным городом империи, где воровство, бандитизм и разбой пресекались на корню как собственными жителями, так и властями. Ибо вести ширококомасштабные торговые отношения в атмосфере мошенничества практически невозможно. В свою очередь, горожане, чей доход на душу населения был самым высоким в Восточной Европе, включая Москву и Санкт-Петербург, являлись людьми ответственными. Человек, обладающий имуществом, не будет вести себя безрассудно и глядеть на жизнь, как лакей в замочную скважину. Свобода — вот суть альфа и омега юной Одессы, не знавшей ни рабского уклада, ни крепостничества.

В числе одесских знакомых Рошешуара было немало любопытных личностей. О некоторых из них Леон поведал в своих мемуарах: "Поль-

зуюсь случаем, представлю читателю официальный бомонд, так называемый консульский корпус, и одесское общество.

Генеральный консул Франции: г-н Мюре, весьма храбрый человек, старившийся на консульской службе в Леванте. Был женат на очень красивой гречанке, от которой у него была дочь. Эмигранты, мы находились при встрече с ним в деликатной ситуации; между тем мы всегда имели способ налаживать наши взаимоотношения.

Генеральный консул Англии: г-н Джеймс, родился в России, женился на немке, родившейся в Петербурге. Хорошо образованный и приятный, имел дочь и сына, высоко ценимые в нашем обществе.

Консул Испании: г-н Дулайс дель Кастильо, прелестный человек во всех отношениях, допущенный в интимный круг нашего дома, остававший всю свою жизнь преданным герцогу Ришелье; у меня будет возможность в дальнейшем достаточно часто говорить о нем; дополнительно он управлял также консульством королевства Обеих Сицилий.

Генеральный консул Австрии: г-н Том, родом венгр, человек для лучших компаний, женат на польке, превосходной музыкантше; имел очень большой дом, я был близко связан с двумя его дочерьми. Он рассказал одну историю, быть может, несколько легкого свойства, но уж очень комическая, героем которой был его отец; для целомудренных ушей просьба не слушать: "Г-н Том, отец, был губернатором небольшого австрийского городка, расположенного на турецкой границе. Однажды армия, возглавляемая самим Великим визирем, угрожала захватом. Глубокое огорчение из-за невозможности сопротивляться было всеобщим. Населению была понятна предстоящая участь: город разграблен, женщины проданы в качестве рабынь на невольничьих рынках Стамбула, мужчины перебиты... Г-н Том попробовал успокоить жителей; он легко говорил на турецком языке, вдобавок длительное пребывание в Константинополе позволило ему изучить мусульманские обычаи:

— Дайте мне карт-бланш, — сказал он им, — имитируйте все, что делаю я, не говоря ничего, что бы ни случилось, и, я надеюсь, вы выйдете из этой ужасной ситуации; вы передадите через самых знатных своих представителей подарки от вашего имени.

Пока собирали подарки, г-н Том подготавливал комплиментарную речь Мустафе. Городские ворота были открыты, Великому визирю были предоставлены самые лучшие апартаменты; депутация представилась, оратор превзошел самого себя; все, казалось бы, шло наилучшим образом, когда Великий визирь, повернувшись к г-ну Тому, сказал ему:

— Ты говоришь слишком хорошо на нашем языке, не являешься ли ты одним из тех изменников, которые оставили Пророка, чтобы следовать за христианскими собаками?

— Я бедный христианин, длительное пребывание в Стамбуле позволило мне выучить ваш язык и узнать ваши обычаи.

Видимо, этот ответ не убедил Великого визиря, и г-н Том добавил:

— Вот дополнительное доказательство этому. Все мусульмане подвержены обрезанию: посмотри, я не был!

Приблизившись, он продемонстрировал доказательство своим словам. Сорок нотаблей, составлявших делегацию, верные полученному наставлению "Имитируйте все, что делаю я", расположились вокруг Мустафы и, снимая с себя одновременно одежду, продемонстрировали доказательства своих христианских качеств. Посреди этого столь странного и холодящего кровь актерам представления Великий визирь разразился хохотом; он был обезоружен, а город спасен".

Из своих одесских знакомых Рошешуар особо выделяет несколько человек, чьи имена вписаны в раннюю летопись Одессы золотыми буквами. Это, прежде всего, его соотечественник, бывший марсельский купец Сикар, переселившийся в Одессу в 1805 году и запечатлевший ее раннюю летопись в своих знаменитых письмах, опубликованных на французском и русском языках. Затруднительно говорить с достоверностью, но, вероятно, Сикар был первым одесским купцом, чье состояние оценивалось более чем в миллион рублей. Впрочем, это право вполне мог оспорить и соотечественник Рошешуара купец Раймонд, который, как и Сикар, получил право на поставки продовольствия и амуниции в русскую армию. А ведь был еще маркиз Кастиельно, чья документальная трехтомная работа "История Новороссийского края" вдохновила великого Байрона на написание трех глав в "Дон Жуане", где главным героем выводился герцог Ришелье.

И все же центральной фигурой одесских знакомых Рошешуара стал его коллега, ставший с 1808 года третьим адъютантом Ришелье, Иван Александрович Стемповский. В парижском Национальном архиве в фонде Рошешуара хранятся письма Стемповского графу Рошешуару, датированные преимущественно временем после 1812 года, то есть тогда, когда Леон покинул Одессу, став участником войны 1812-1814 гг. в качестве адъютанта Александра I, а затем заняв пост коменданта Парижа в период царствования Людовика XVIII. Эти письма, а их сотни, не только представляют собой доказательство постоянного жадного внимания

Рошешуара ко всем событиям, происходившим в Одессе после его отъезда, но и дают нам целую энциклопедию жизни города вплоть до смерти полковника Стемповского в 1831 г. А ведь речь идет о великом ученом, по сути, основателе археологических изысканий в Северном Причерноморье и инициаторе открытия музеев древностей в Одессе и Керчи, ставших первыми в Российской империи. Между прочим, именно Стемповский унаследовал имущество Ришелье в Одессе, предназначавшееся вначале Рошешуару, и именно он подарил городу столь любимый герцогом сад, взлелеянный трудами Рошешуара.

